

ЭРИК ФОРД

«ХРАМ СОЛОМОНА»

ОТ ХИРАМА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Тайны мировой закулисы

Эрик Форд

**«Храм Соломона». От
Хирама до наших дней**

«Алгоритм»

2017

УДК 355/359
ББК 63.3

Форд Э.

«Храм Соломона». От Хирама до наших дней / Э. Форд — «Алгоритм», 2017 — (Тайны мировой закулисы)

ISBN 978-5-906979-09-4

Эрик Форд известен своими расследованиями тайн «мировой закулисы». В своей новой книге он рассказывает, как зародился и осуществлялся глобальный проект, составляющий святая святых «закулисы», – строительство «храма Соломона». Вначале это был действительно храм для поклонения единому Богу, господину всего сущего; Хирам, первый строитель храма, был убит, но успел передать свои сакральные секреты. Ими воспользовались «вольные каменщики», затем – очень влиятельные лица из мировой элиты. В фигуральном смысле «храм Соломона» стал символом и системой господства над миром. Автор приводит факты, свидетельствующие, что строительство этого «храма» продолжается и сейчас: многие из нынешних политиков, финансистов, «акул» крупного бизнеса принимают в нем участие, вне зависимости от своей национальности. Читатель найдет в книге знакомые лица из истеблишмента России и США.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-906979-09-4

© Форд Э., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Предисловие	6
Первые строители «Храма Соломона»	7
Хирам	7
«Рыцари Храма»	12
«Строители храма» во Франции и Англии	15
Розенкрейцеры	18
Первые масоны	20
Влияние английского масонства	23
«Храм Соломона» в Америке	26
Первые масонские ложи в Северной Америке	26
Масоны и образование США	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эрик Форд

«Храм Соломона». От Хирама до наших дней

Предисловие

Строительство «храма Соломона» это, пожалуй, самый глобальный проект в мировой истории. Вначале храм Соломона действительно был храмом, построенным в Иерусалиме для поклонения единому Богу. В храме хранились Ковчег Завета с десятью заповедями и священные книги еврейского народа. Храм Соломона разрушался и восстанавливался, пока римляне окончательно не сравняли его с землей в I веке после Р.Х.

С этих пор строительство «храма Соломона» приобрело фигуральное значение: от передачи особых тайных знаний избранным «строителям» до попыток распространить идеи «вольных каменщиков» на весь мир. Прошло несколько столетий, и «храм Соломона» стал символом и системой господства над миром.

Не будем забывать, что на подмостках мировой политики в эпоху постмодернизма народ перестал играть значительную роль. Это массовка, «толпа на заднем плане», которая всего лишь помогает развитию сюжетной линии и работает на главных героев представления.

Однако и эти «герои» – такие же послушные исполнители режиссерского замысла, как безликая толпа, только роли у них больше. Подлинными авторами и режиссерами пьесы являются те, кто обладает колоссальным политическим и экономическим влиянием в мире – настолько сильным, что им подвластно практически все. Таким образом, можно сказать, что строительство «храма Соломона» продолжается и сейчас: многие из нынешних политиков, финансистов, «акул» крупного бизнеса принимают в нем участие, вне зависимости от своей национальности.

Книга начинается с исторического обзора, посвященного «храму Соломона», затем повествование переходит на современность. В центре внимания автора две страны: США и Россия, – соответственно, читатель найдет в книге знакомые лица из американского и российского истеблишмента.

Автор выражает свою глубокую благодарность исследователям из США, Англии, Германии и России, материалы которых помогли ему в написании книги.

Первые строители «Храма Соломона»

Хирам

Подробный анализ происхождения и генезиса организаций, связанных с «храмом Соломона», дали Майкл Бейджент и Ричард Ли в своей книге «Храм и ложа. От тамплиеров до масонов». Они пишут: «Сами масоны испытывают глубокие сомнения относительно своего происхождения. За четыре столетия официального существования ими были приняты многочисленные попытки выяснить свои корни. Масонские писатели сочинили бесчисленное количество книг, пытаясь проследить историю ордена. Некоторые из этих произведений были не просто ложными, но и откровенно комическими в своей экстравагантности, наивности и стремлении выдать желаемое за действительное. Другие оказались не только правдоподобными, но и открыли новые направления в исторических исследованиях. Тем не менее в конечном итоге каждый исследователь приходил к неопределенности, и зачастую в их работах количество вновь появившихся вопросов значительно превышало количество найденных ответов. Одна из проблем состояла в том, что сами масоны нередко искали одну прямую линию наследования, неизменные традиции, сохранившиеся с дохристианских времен до наших дней. На самом деле масонство больше похоже на клубок пряжи, запутанный разыгравшимся котенком. Оно состоит из многочисленных узелков, которые необходимо распутать, чтобы выявить его разнообразные корни».

Собрание основных масонских легенд – включая, разумеется, строительство Храма Соломона, продолжают далее Майкл Бейджент и Ричард Ли, – основывается исключительно на материале Ветхого Завета, каноническом и апокрифическом, а также на иудаистских и исламских комментариях к нему. Стоит подробнее остановиться на самой важной из этих легенд, на убийстве Хирама Абифа.

Рассказ о Хираме содержится в тексте Ветхого Завета. Хирам упоминается в двух книгах, в третьей книге Царств и второй книге Паралипоменона. В третьей книге Царств (глава 5,1–6) мы читаем:

«И послал Хирам, царь Тирский, слуг своих к Соломону, когда услышал, что его помазали в царя наместо отца его; ибо Хирам был другом Давида во всю жизнь. И послал также и Соломон к Хираму сказать. – «И вот я намерен построить дом имени Господа. Итак прикажи нарубить для меня кедров с Ливана».

Затем следует подробное описание сооружения Храма строителями Соломона и Хирама. Обязанность набирать людей для производства работ лежала на Адонираме – представляется, что это один из вариантов произношения имени Хирам. После завершения строительства Храма царь Израильский решил увенчать его двумя бронзовыми колоннами и другими украшениями. В третьей книге Царств (глава 7,13–15) говорится:

«И послал царь Соломон и взял из Тира Хирама, сына одной вдовы из колена Неффаилова. Отец его, Тирянин, был медник... И пришел он к царю Соломону, и производил у него всякие работы. И сделал он два медных столба...»

Во второй книге Паралипоменона (глава 2, 3—14) содержится несколько иное описание:

«И послал Соломон к Тираму, царю Тирскому, сказать: «Вот строю я дом имени Господа... Итак пришли мне человека, умеющего делать изделия из золота, и из серебра, и из меди, и из железа, и из пряжи пурпурового, багряного и яхонтового цвета, и знающего вырезать резную работу, вместе с художниками, какие есть у меня...» И отвечал Хирам, царь Тирский: «Итак я посылаю тебе человека умного, имеющего знания, Хирам-Авия, сына

одной женщины из дочерей Дановых – а отец его Тириянин – умеющего делать изделия из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней и из дерев... и вырезать всякую резьбу, и исполнять все, что будет поручено...»

В своем описании главного строителя Храма Соломона Ветхий Завет довольно схематичен. Однако масоны, основываясь на других свидетельствах и/или придумывая собственные, дополняют отсутствующие детали и развивают их в нечто такое, что превратится – в контексте традиционной религии – в полноценную и замкнутую теологическую систему. Этот рассказ, окончательно оформившись, содержит некоторые вариации, касающиеся мелких деталей – подобно разночтениям в различных Евангелиях, – но общее направление сохраняется неизменным, от ложки к ложке, от ритуала к ритуалу, от века к веку.

Главное действующее лицо предания – это Хирам Абиф, а если быть более точным, то Адонирам. Имя «Адонирам» явно происходит от еврейского слова «Адонай», то есть Владыка. Точно так же «кайзер» и «царь» ведут свое происхождение от имени «Цезарь». Таким образом, главный строитель Храма был «Владыкой Хирамом», хотя существует мнение, что «Хирам» это вовсе не имя, а титул, по-видимому, обозначавший того, кто был связан с царской семьей. «Абиф» – это производное от слова «отец». Поэтому «Хирам Абиф» мог быть самым царем, то есть отцом своего народа, или отцом царя – бывшим царем, который отрекся от престола после обусловленного количества лет царствования. В любом случае он был связан кровным родством с царским домом финикийского Тира и «мастером», владевшим секретами архитектуры – секретами чисел, форм и пропорций и их практическим применением при помощи геометрии. Современные археологические исследования подтверждают, что описанный в Ветхом Завете Храм Соломона напоминает реально существовавшие храмы, построенные финикийцами. Можно пойти еще дальше. Храмы Тира были возведены в честь богини-матери Астарты (первые отцы христианской церкви заставили ее сменить пол, превратив в демона Астарота). В древнем Тире Астарту называли «Царицей Небес» и «Звездой Морей» – формулы, которые тоже были позаимствованы христианством для обозначения Девы Марии. Астарте обычно поклонялись на «возвышенных местах», то есть на вершинах холмов и гор. Так, например, на горе Хермон находят множество алтарей Астарты. Более того, несмотря на номинальную верность богу Израиля, Соломон сам был почитателем богини. В третьей книге Царств (глава 3, 3) мы читаем:

«И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и курения на высотах».

В одиннадцатой главе третьей книги Царств об этом рассказывается еще более откровенно:

«Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам; и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому...»

В «Песне Песней» царя Соломона содержится гимн самой Астарте и обращение к ней: «Со мною с Ливана невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона...»

Все это вызывает вопросы относительно Храма Соломона, построенного финикийским архитектором. Кому был в действительности посвящен этот Храм: Богу Израиля или богине Астарте?..

* * *

В любом случае Соломон пригласил Хирама, знатока архитектуры из Тира, – поэтому «Храм Соломона» точнее было бы назвать «Храмом Хирама», продолжают Майкл Бейджент и Ричард Ли. В действительности огромная масса рабочих, задействованных в таком гран-

диозном строительстве, состояла в основном из рабов. Однако в масонских ритуалах, по крайней мере, некоторые из строителей описываются как свободные люди, или свободные каменщики. Предположительно это были профессионалы из Тира, которые получали оплату за свой труд. У них было три ступени мастерства – ученик, рабочий и мастер. Каменщиков было очень много, и поэтому Хирам не имел возможности знать каждого в лицо. Следовательно, каждой ступени давалось собственное имя. Ученики получили имя «Боаз» – в честь одной из двух громадных медных колонн, поддерживающих портик Храма. Рабочим было дано имя «Йахим» – в честь другой колонны. Мастеров называли – по крайней мере, вначале – «Иегова». Каждое из этих имен было связано с определенным «знаком», или расположением рук, а также с особым «рукопожатием». При выдаче жалованья каждый работник представлял перед Хирамом, произносил имя своей ступени, демонстрировал соответствующий знак и рукопожатие, а затем получал причитающуюся ему сумму.

Однажды Хирам, молившийся в своем почти законченном Храме, подвергся нападению трех негодяев – по одним свидетельствам, учеников, по другим рабочих, – рассчитывавших завладеть секретами высшей ступени, знать которые им было не положено. Хирам вошел в Храм через восточные ворота, а трое преступников загородили выходы и потребовали, чтобы он выдал им пароль, знак и рукопожатие мастера. Хирам отказался разгласить тайну, и злодеи набросились на него.

Различные источники по-разному указывают, у каких ворот какой именно удар он получил. Для нас важно то, что ему нанесли три удара: молотком по темени, уровнем по одному виску и отвесом по другому. Последовательность этих ударов тоже точно неизвестна – какой из них был первым, а какой завершающим. Первая рана была получена у северных или южных ворот. Оставляя за собой кровавый след, Хирам переходил от одних ворот к другим, получая очередной удар. Все источники сходятся на том, что умер он у восточных ворот. Именно там в современной ложе стоит мастер, исполняя свои обязанности. Кроме того, в восточной части церкви всегда располагается алтарь.

Ужаснувшись содеянному, три преступника решили спрятать тело своего господина. Большинство комментаторов согласны с тем, что они похоронили убитого на склоне ближайшей горы, слегка присыпав его землей. Убийцы взяли росший неподалеку побег акации – священного дерева для масонов – вместе с комом земли и воткнули в могилу, чтобы почва на ней выглядела нетронутой. Однако через семь дней один из девяти подчиненных Хираму мастеров, занимавшихся его поисками, карабкался по склону горы и ухватился за росток акации, чтобы подтянуться вверх. Дерево вырвалось из земли, открыв тело убитого.

Осознав, что произошло, и боясь, что Хирам перед смертью выдал секрет, девять мастеров решили изменить тайное слово. Они пришли к соглашению, что новая фраза будет состоять из того, что кто-то из них произнесет, когда они будут выкапывать труп из могилы. Когда руку Хирама ухватили за запястье, разлагающаяся кожа сошла с нее, как перчатка. При виде этого один из мастеров воскликнул: «Макбкнай!» (это один из нескольких возможных вариантов), что на каком-то неизвестном языке якобы означает «плоть отделяется от костей», или «труп разложился», или просто «господин мертв». Это восклицание стало новым паролем мастеров. Впоследствии три злодея были найдены и подверглись наказанию.

Тело Хирама извлекли из могилы на склоне горы и с большими почестями похоронили в пределах Храма. На церемонии все мастера облачились в фартуки и перчатки из белой кожи, чтобы показать, что ни один из них не запачкал рук человеческой кровью.

* * *

В последние 250 лет альтернативные версии этой истории отличаются лишь незначительно – последовательностью событий или мелкими деталями. По-разному описывается

и поведение Хирама в этой ситуации. Иногда его роль сильно преувеличивается, а иногда сознательно преуменьшается. Однако в основном все версии соответствуют приведенной выше истории. Другой вопрос, что скрывается за этим рассказом. Некоторые ученые и писатели-масоны утверждали, что вся история о Хираме – подобно многим другим рассказам в древних мифах и самой Библии – является сознательным искажением, призванным замаскировать один из самых древних и самых распространенных обрядов, обряд человеческого жертвоприношения. В библейские времена на Ближнем Востоке он встречался довольно часто. Священный труп – ребенка, девственницы, царя или другого носителя царской крови, жреца или жрицы, строителя – должен был освящать возведенное здание. Алтарь и гробница во многих случаях означали одно и то же. В более поздние времена жертва должна была быть уже мертва или заменяться животным, однако изначально человека действительно убивали, принося ритуальную жертву, чтобы освятить данное место ее кровью. История Авраама и Исаака – это одно из свидетельств, что в древности израильтяне не были чужды такой практики. Остатки этой традиции сохранились и в христианскую эпоху, когда церкви строились на мощах святых или святых хоронили специально для того, чтобы освятить Храм.

В любом случае – независимо от содержащихся в нем остатков древних традиций – рассказ о Хираме не является современной выдумкой, а уходит корнями в глубокую древность. Как уже отмечалось выше, в Ветхом Завете сведений явно недостаточно, однако недостающие детали и другие варианты можно найти среди самых древних легенд талмуда и в иудейских апокрифах. Другой вопрос: почему им придали такое значение позднее? Почему фигура Хирама выросла чуть ли не до масштабов Христа? В Средние века архитектор и строитель Храма Соломона уже был важной фигурой для «практикующих» каменщиков. В 1410 году один из документов гильдии каменщиков упоминает о «сыне царя Тира» и связывает его с древней наукой, которая якобы пережила Потоп и нашла свое отражение в трудах Пифагора и Гермеса. Второй, и явно менее древний манускрипт, датированный 1583 годом, цитирует слова Хирама и описывает его как сына царя Тира и одновременно мастера. Эти документы представляют собой свидетельства существования широко распространенной и гораздо более древней традиции. Эта традиция может быть выведена из параллелей между сыном царя Тира и сыном Ательстана – оба они принцы королевской крови, оба известные архитекторы, искусные строители и покровители каменщиков.

Точно неизвестно, когда история о Хираме стала главной для масонства. Тем не менее это произошло явно в период образования общества. Обращаясь к часовне Росслин сэра Уильяма Синклера и голове «убитого подмастерья», можно заметить, что рана на его виске в точности совпадает с одной из ран Хирама, а женская голова в той же часовне известна под именем «матери-вдовы». Таким образом, мотивы из истории о Хираме появились задолго до современного масонства.

По мнению некоторых масонских писателей, череп и скрещенные кости связаны как с тамплиерами, так и с убитым мастером. Так ли это, остается неизвестным и по сей день. На протяжении семнадцатого и восемнадцатого веков череп и скрещенные под ним кости служили обозначением могилы Хирама – а следовательно, и любого мастера масонов. Мы уже упоминали о легенде, согласно которой после вскрытия могилы Брюса обнаружилось, что его берцовые кости лежат скрещенными под черепом. Череп с костями также был важной частью регалий масонского звания, известного как «Рыцарь Храма».

В современном масонстве смерть Хирама ритуально изображается каждым претендентом на так называемую третью степень, или на звание мастера масонов. Но теперь появилось одно существенное дополнение: мастер воскресает. «Прохождение через третью степень» означает, таким образом, ритуальную смерть и последующее возрождение. Претендент исполняет роль Хирама – он становится мастером и переживает смерть, превращаясь, в соответствии с используемой терминологией, в «воскресшего» мастера масонов.

Интересно, что этот ритуал перекликается с эпизодом, касающимся пророка Илии и описанном в третьей книге Царств (глава 17, 17–24). Придя в Сидон, Илия встретил у городских ворот женщину, собиравшую дрова. Женщина пригласила пророка к себе в дом. Во время пребывания Илии в доме женщины ее сын – «сын вдовы» – заболел и умер. Илия, «трижды простершись ниц над отроком», воззвал к Господу, и тогда «возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил».

«Рыцари Храма»

Остается открытым вопрос: как история о Хираме и ее различные вариации нашли дорогу в сердце средневековой христианской Европы? Чтобы получить ответ на эти вопросы, говорят далее в своей книге Майкл Бейджент и Ричард Ли, следует взглянуть на те периоды истории, когда подобные учения легче всего передавались и ассимилировались, когда христианство испытывало наиболее сильное «чуждое влияние» и впитывало его – иногда сознательно, иногда в виде постепенного проникновения.

Первыми из таких столкновений явились, естественно, крестовые походы, когда тысячи европейцев на Святой Земле принимали те самые убеждения, которые они шли искоренять. В эпоху крестовых походов сицилийский двор императора Фридриха II Штауфена превратился в настоящий центр иудаистской и исламской мысли. Еще одним каналом – возможно, основным – проникновения подобных течений были тамплиеры. Номинально тамплиеры носили звание «рыцарей Христа», но на практике поддерживали дружеские отношения с исламом и иудаизмом. Говорят, что они даже вынашивали амбициозные планы примирения христианства с этими двумя соперничающими религиями.

Тамплиеры много строили. При помощи собственных бригад каменщиков они возводили свои замки и прецептории. Архитектура тамплиеров в основе своей была византийской, отражая влияния, которые находились вне сферы контроля Рима. Две могилы тамплиеров, найденные в Атлите на территории Израиля, вероятно, можно считать самыми старыми в мире «масонскими» захоронениями.

Тамплиеры поддерживали собственные гильдии. Они также выступали в роли покровителей и защитников других гильдий ремесленников и каменщиков, причем время от времени сами, похоже, становились членами этих профессиональных объединений. Бывали случаи, что искусные ремесленники принимались в качестве ассоциированных членов в орден Храма. Они жили в закрытых деревнях рядом с прецепториями и пользовались многими привилегиями ордена, включая освобождение от пошлин и налогов. Более того, в Европе тамплиеры стали самозванными стражами дорог, обеспечивая безопасность пилигримов, путешественников, торговцев – и строителей. Принимая во внимание такой широкий спектр их деятельности, вряд ли стоит удивляться, что под покровительством тамплиеров принципы божественной геометрии и архитектуры проложили себе путь в Западную Европу.

Но если тамплиеры действительно были проводниками этих идей, то свою роль они могли играть лишь на протяжении ограниченного периода времени – не более (а возможно, менее) двух столетий своего существования. Некоторые из функционеров ордена, подобно своим собратьям в церковной иерархии, действительно могли быть высокообразованными людьми, некоторые могли интересоваться тайнами божественной геометрии и архитектуры, но большинство тамплиеров были грубыми и примитивными солдатами – как большинство дворян того времени. Возможно, от своих начальников эти люди узнали, что гильдии «практикующих» каменщиков владеют достойными уважения технологическими секретами, но они не знали, что это за секреты, и еще в меньшей степени были способны понять их. После официального роспуска ордена большая часть этих секретов была, конечно, безвозвратно утеряна. Беглые тамплиеры, и особенно в Шотландии, оказались отрезанными от бывших руководителей ордена и сохранили лишь внешние формы, лишённые содержания. Возможно, они с почтением относились к строительному искусству, но его значение для них было скорее символическим и ритуальным, чем практическим. В сущности, тамплиеры, нашедшие убежище в Шотландии, были похожи на некоторые более поздние разновидности масонства, механически воспроизводившие традиции и ритуалы, не понимая заложенного в них смысла.

* * *

Если в Шотландии и существовали связи между тамплиерами и гильдиями «практикующих» каменщиков, то к пятнадцатому столетию они в любом случае ослабли и в конечном итоге распались. Однако как раз в это время наблюдался новый прилив идей извне, который возродил применение принципов божественной геометрии в архитектуре и явился мощным толчком к развитию и того, и другого. В 1453 году под ударами Османской империи пал Константинополь, а вместе с ним прекратили существование и остатки Византийской империи. Результатом стал массовый наплыв беженцев в Западную Европу. Они пришли сюда вместе с накопленными за предыдущее тысячелетие богатствами: византийскими библиотеками с текстами герметиков, неоплатоников, гностиков, книгами по каббале, астрологии, алхимии, божественной геометрии, со всеми знаниями и традициями, которые зародились еще в Александрии в первом, втором и третьем веках нашей эры и с тех пор постоянно дополнялись и развивались.

Затем, в 1492 году, Фердинанд и Изабелла принялись безжалостно истреблять ислам и иудаизм в своих владениях, спровоцировав новый поток беженцев, которые направились на восток и на север, принося с собой весь капитал иберийской «эзотерики», которая понемногу проникала в христианство еще с седьмого века.

Последствия этих воздействий были просто ошеломляющими. Они изменили христианскую цивилизацию. Искусствоведы и историки единодушно во мнении, что прилив идей из Византии и Испании явился чуть ли не решающим фактором в возникновении культурного феномена, который известен нам как Ренессанс.

Знания и идеи из Византии сначала проложили себе дорогу в Италию, где такие люди, как Козимо де Медичи, тут же ухватились за них. Для их изучения и распространения были основаны академии. Широкое распространение получила профессия переводчика; одним из самых первых и самых известных считается Марсилио Фичино. Увидели свет и получили широкую известность всевозможные толкования и комментарии, например, Пико делла Мирандолы. На протяжении следующего столетия волна «эзотерики» распространилась из Италии по всей остальной Европе. Божественная геометрия, теперь считавшаяся одной из форм «талисманной магии», применялась не только к архитектуре, но и к живописи, к примеру в работах Леонардо и Боттичелли. Вскоре она проникла и в другие области искусства, в том числе в поэзию, скульптуру, музыку и особенно в театр.

Нельзя сказать, что значение архитектуры поэтому снижалось. Наоборот, она приобрела еще более высокий статус. Распространение неоплатонизма – синкретического мистического учения, которое возникло в ранней Александрии – подняло на новую высоту старые классические взгляды Платона. Именно у Платона ученые эпохи Ренессанса, лихорадочно искавшие необходимые связи, обнаружили принцип, который стал основой для последующего формирования масонства. В «Тимее» Платона появляется самое первое представление создателя как «архитектора Вселенной». В этом труде Платон называет Создателя «tecton», то есть «мастер» или «строитель». Таким образом «arche-tecton» – это «главный мастер», или «главный строитель». По мнению Платона, «arche-tecton» создал космос посредством геометрии.

Как мы уже отмечали, «эзотерические» идеи и знания из Византии проникли сначала в Италию. Сорок лет спустя подобный поток из Испании также достиг Италии, однако большая его часть направилась в такие испанские владения, как Фландрия и Нидерланды. Здесь возник фламандский Ренессанс, который совпал по времени с итальянским. К началу шестнадцатого столетия течения из Италии и Нидерландов слились вместе под покровительством Лотарингского дома и де Гизов. Так, например, первое французское издание основополага-

ющего труда «Corpus hermeticum» было посвящено кардиналу Лотарингскому Карлу де Гизу – брату Марии де Гиз, которая вышла замуж за короля Шотландии Якова V и была матерью Марии Шотландской.

Лотарингский дом и де Гизы уже увлекались мистическими теориями. И действительно, своим интересом к «эзотерике» Козимо де Медичи обязан влиянию своего школьного товарища Рене д'Анжу, который в середине пятнадцатого века был кардиналом Лотарингским, некоторое время провел в Италии и способствовал переносу итальянского Возрождения в свои собственные владения. Географическое соседство было благоприятно для проникновения на эту территорию идей из Фландрии. К середине шестнадцатого века Лотарингский дом и де Гизы, несмотря на свой показной католицизм, стали ревностными покровителями европейской «эзотерики». От них – через брак Марии де Гиз с Яковом V, через шотландскую гвардию, через семьи Стюартов, Сетонов, Гамильтонов, Монтгомери и Синклеров – эти идеи были занесены в Шотландию. Здесь – где давнее наследие тамплиеров подготовило соответствующий фон, а гильдии «практикующих» каменщиков под покровительством Синклеров развивали собственные тайные обряды – они нашли благодатную почву.

«Строители храма» во Франции и Англии

Лотарингский дом и де Гизы были чрезвычайно честолюбивы. Они не только вплотную приблизились к тому, чтобы занять французский трон. Они также претендовали на папский престол – и непременно завладели бы им, если бы интриги и грубые ошибки во внутренней французской политике не подорвали доверие к ним и не истощили их силы, отмечают в вышеуказанной книге Майкл Бейджент и Ричард Ли. Чтобы облегчить осуществление своих планов относительно престола св. апостола Петра, они объявили себя оплотом католической Европы – «защитниками веры» от Реформации и поднимающейся волны протестантизма в Германии, Швейцарии и Нидерландах. Вследствие этого они проводили публичную политику ревностного католицизма, нередко доходящую до фанатизма. Одним из проявлений этой политики была известная Священная Лига, альянс католических принцев и монархов, ставивший своей целью изгнание протестантизма из пределов Европы. Для стороннего наблюдателя Священная Лига выглядела как свидетельство благочестия Лотарингского дома и де Гизов. В действительности для этих семейств альянс был всего лишь делом политической целесообразности – это зачатки организации, которая была предназначена для того, чтобы вытеснить или подчинить себе Священную Римскую империю. Разумеется, не было никакого смысла в контроле над папским престолом, если папство не обладало реальной властью. Чтобы цель стала оправданной, следовало укрепить власть папы и восстановить, насколько это было возможно, ту гегемонию в Европе, которая существовала в Средневековье.

К несчастью для Лотарингского дома и де Гизов, та политика и тот образ, которые способствовали продвижению их планов на континенте, привели к обратному результату в Британии. К этому времени и Англия, и Шотландия стали протестантскими странами. Самым главным врагом Англии считалась католическая Испания, король которой Филипп II женился на Марии Тюдор за четыре года до ее смерти, наступившей в 1558 году. Даже такое нейтральное выражение, как «папист», стало в Англии ругательством, а Священная Лига рассматривалась как угроза не только протестантскими церквями континентальной Европы, но и на Британских островах. Из-за своей ревностной поддержки католической церкви Франсуа де Гиз и его семья превратились в глазах англичан в некое подобие великанов-людоедов, и исходящая от них угроза могла сравниться лишь с угрозой со стороны испанского монарха.

«Эзотерические» идеи были с воодушевлением восприняты в Англии. Они были подхвачены такими поэтами, как, например, Сидни и Спенсер, пронизав их произведения «Аркадия» и «Королева фей», а также Марло и Фрэнсисом Бэконом. Однако эти взгляды нельзя было проповедовать открыто, поскольку они ассоциировались с католическими домами континентальной Европы. Поэтому нередко они выражались в завуалированной, аллегорической форме. Существование таких идей было по большей части подпольным, они вращались в небольших научных группах или замкнутых аристократических кружках, а также в объединениях, которые теперь называются «тайными обществами». Эти организации зачастую были открыто «антипапистскими» и активно сопротивлялись наглým политическим и династическим притязаниям Лотарингского дома и де Гизов на континенте. Тем не менее одновременно они погружались в глубины «эзотерического» мышления, которое проникало в Шотландию из Лотарингского дома и семьи де Гизов, находя здесь благодатную почву.

Карьера шотландского философа Александра Диксона может служить ярким примером того, как происходило это проникновение, преодолевая все сложные и противоречивые политические преграды того времени. Диксон родился в 1558 году, окончил университет

Сент-Эндрюса в 1577-м и провел шесть лет в Париже. По возвращении он опубликовал книгу, посвятив ее фавориту королевы Елизаветы Роберту Дадли, графу Лестеру. Это произведение в значительной степени опирается на ранний труд выдающегося итальянского «эзотерика» Джордано Бруно, чье противостояние с Римом в 1600 году привело его на костер и который перед смертью назвал Диксона своим преемником. Тем не менее, несмотря на свои связи с Бруно, которого Рим считал опаснейшим еретиком, а также на близость к королевскому двору Елизаветы Английской, Диксон в 1583 году в Париже открыто заявлял о своей поддержке Марии Шотландской и сохранял контакты с людьми, связанными со Священной Лигой. Несмотря на искреннюю дружбу с Сидни, он одновременно был шпионом, снабжая французского посла секретными английскими документами, в том числе и теми, которые подписывал Сидни. В 1590 году Диксон отправился во Фландрию с тайной миссией по поручению католических монархов. В 1596 году ходили слухи о его сотрудничестве с шотландским послом во Франции Джеймсом Битоном и с Карлом де Гизом, герцогом Майенн, который впоследствии стал главой Священной Лиги. С этой группой поддерживал отношения и лорд Джордж Сетон, чей сын Роберт в 1600 году стал графом Уинтоном и женился на Марии Монтгомери; этот союз дал начало младшей ветви семьи, графам Эглинтон. Битон, бывший архиепископ Глазго, имел тайные сношения с Лотарингским домом и де Гизами с 1560 года. В 1582 году, когда Диксон был еще в Париже, Битон и Генрих, герцог де Гиз, планировали вторжение в Англию при помощи армии, которая будет предоставлена им Испанией и папским престолом. В ночь перед казнью в 1587 году Мария Стюарт назвала в числе своих палачей Битона и Генриха де Гиза.

Александр Диксон олицетворяет путь, по которому шло формирование «эзотерических» и политических привязанностей, иногда совпадавших друг с другом, а иногда диаметрально противоположных. Тем не менее Диксон был относительно мелкой фигурой – по сравнению с настоящим английским «великим магом» той эпохи, доктором Джоном Ди. Ди тоже приходилось балансировать на опасной грани между враждующими фракциями, между интересами католиков и протестантов, между тягой к «эзотерическому» знанию и более насущными требованиями государства. Но ему не удалось выйти сухим из воды, как Диксону. Несмотря на то, что его приверженность протестантизму не подвергалась сомнению, он постоянно попадал под подозрение, однажды был арестован и подвергался непрерывным гонениям.

* * *

Ди родился в Уэльсе в 1527 году. Этот врач, философ, ученый, астролог, алхимик, знаток каббалы, математик, дипломат и шпион был одним из самых блестящих людей своего времени, истинным воплощением «человека Возрождения». Широко распространено мнение, что он послужил прототипом Просперо в «Буре» Шекспира, а его влияние – как при жизни, так и после смерти – было огромно. Именно Ди собрал разрозненные нити «эзотерики» и объединил их, подготовив дорогу для дальнейшего развития. Именно благодаря Ди и его работам в семнадцатом столетии Англия превратилась в центр «эзотерических» исследований. И именно Ди подготовил почву для появления масонства.

Двадцатилетним молодым человеком Ди уже читал лекции по основам геометрии в университетах континентальной Европы – например, в Ловейне и Париже. Во время бурного периода заговоров и контрзаговоров Лотарингского дома и де Гизов он свободно перемещался по всей Европе, находя приют в любой стране. В 1585–1586 годах он жил в Праге, которая при либеральном, миролюбивом и, предположительно, «эксцентричном» императоре Священной Римской империи Рудольфе II превратилась в новый центр «эзотерических»

исследований. Он пользовался покровительством императора и возвратился домой с материалом, который позволит Англии превзойти Прагу.

На протяжении большей части жизненного пути Ди «эзотерика» в Англии оставалась тайным занятием или была воспринята только в ограниченных кругах. В Шотландии эти идеи расцвели пышным цветом, но благодаря Марии де Гиз и Марии Стюарт все шотландское в глазах англичан выглядело подозрительным. Поэтому Ди и его английские последователи не могли установить важных связей с шотландскими философами.

Однако к началу семнадцатого столетия ситуация коренным образом изменилась. В 1588 году Армада Филиппа II потерпела сокрушительное поражение, и Испания все реже воспринималась как угроза для безопасности Англии. После казни Марии Стюарт вероятность того, что влияние Лотарингского дома и де Гизов распространится и на Британию, значительно уменьшилась. Убийство юного герцога де Гиза и его брата, которое произошло год спустя, поразило эту семью в самое сердце, положив конец ее династическим и политическим амбициям. К 1600 году влияние семьи было уже на исходе, а Священная Лига тоже разваливалась.

Кроме того, «эзотерические» идеи больше не ассоциировались исключительно с Лотарингским домом и де Гизами – то есть с интересами католиков. Одним из их новых покровителей был император Священной Римской империи Рудольф II, который объявил, что он не католик и не протестант, а христианин; он никогда не преследовал протестантов, но все больше отдалялся от папского престола, а на смертном одре отказался от церковного соборования. К 1600 году «эзотерические» воззрения начали расцветать и публично высказываться в протестантских государствах. Вскоре в Нидерландах, в Рейнском пфальцграфстве, в Вюртембергском и Богемском королевствах они стали использоваться в качестве антиримской пропаганды. Таким образом, лишенные всякой связи с Лотарингским домом и де Гизами, эти идеи могли без риска заявить о себе в Англии.

Более того, в 1603 году, когда Лотарингский дом и де Гизы уже больше не могли контролировать ситуацию, Яков VI Шотландский – монарх из династии Стюартов, в жилах которого текла кровь де Гизов, – стал королем Англии Яковом I. В этот момент наблюдатель из будущего мог бы явственно услышать «щелчок» – все необходимые исторические компоненты заняли свое место. С объединением Англии и Шотландии под властью единого монарха знатные шотландские фамилии стали играть заметную роль в английской политике, а две из них – Гамильтоны и Монтгомери – пересекли Ирландское море, чтобы основать колонию в Ольстере. Через эти семьи старая мистика тамплиеров и шотландской гвардии стала проникать в Англию и Ирландию. Не следует также забывать, что новый король был покровителем и, возможно, членом одной из гильдий «практикующих» каменщиков. Он принес с собой с севера их традиции, а также «эзотерическое» наследство своих предков из дома де Гизов. Все эти элементы, соединившись в трудах Джона Ди и его учеников, стали основой для философского, или, как его еще называют, «спекулятивного», масонства. Эти идеи стали не только уважаемыми и законными, но и ассоциировались с тронном. Старинный меч тамплиеров и мастерок строителя стали составляющими герба Стюартов.

Розенкрейцеры

Прежде чем приобрести современные формы, масонство испытало на себе влияние еще одного фактора, продолжают Майкл Бейджент и Ричард Ли. На континенте – особенно в Германии – «эзотерическое» учение теперь пропагандировалось протестантскими князьями и использовалось в качестве инструмента пропаганды, направленной против двух бастионов: папства и Священной Римской империи. Теперь сторонники этого течения начали называть себя «розенкрейцерами», и Фрэнсис Йейтс назвала этот период его распространения «розенкрейцеровским просвещением». Тогда же начали распространяться анонимные памфлеты, превозносящие «Невидимый колледж», или тайное общество, якобы основанное загадочным Христианом Розенкрейцером. Эти памфлеты содержали яростные нападки на нового императора Священной Римской империи и папу, а также расхваливали различные «эзотерические учения». В них предсказывалось неминуемое наступление Золотого века, когда социальные и политические институты отомрут, и наступит эпоха утопической гармонии, свободной от тирании прошлого, как мирской, так и религиозной.

В Англии главным пропагандистом учения розенкрейцеров выступал ученик Джона Ди Роберт Фладд, входивший вместе с Фрэнсисом Бэконом в группу ученых, которым король Яков поручил сделать перевод Библии на английский язык. Фладд поддерживал идеи розенкрейцеров, но они исходили явно не от него, и он не имел никакого отношения к авторству анонимных «Манифестов Розенкрейцеров». Теперь считается, что эти манифесты были составлены – если не полностью, то, по крайней мере, частично – немецким писателем из Вюртемберга Иоганном Валентином Андреа.

Полагают, что он поддерживал тесные связи с гейдельбергским двором Фридриха и Рейнским пфальцграфством.

В 1613 году Фридрих женился на Елизавете Стюарт, дочери английского короля Якова I. Четыре года спустя дворяне богемского королевства предложили Фридриху корону, и его согласие привело к Тридцатилетней войне, самому жестокому и кровопролитному конфликту в Европе до начала двадцатого столетия. В самом начале войны большая часть Германии была захвачена католической армией, и немецкому протестантизму грозило полное уничтожение. Тысячи беженцев – среди них были философы, ученые и «эзотерики», которые составляли «розенкрейцеровское просвещение» – хлынули во Фландрию и Нидерланды, а оттуда в безопасную Англию. Чтобы помочь этим беглецам, их коллеги в Германии основывали так называемые «христианские союзы». Эти союзы представляли собой некую разновидность системы лож и были призваны сохранить доктрину розенкрейцеров, организуя ее приверженцев в ячейки и переправляя их за границу. Таким образом, начиная с 1620 года немецкие беженцы начали прибывать в Англию, привозя с собой «розенкрейцерские» идеи и организационную структуру христианских союзов.

Как мы отмечали выше, во времена правления Якова I система лож уже укоренилась внутри гильдий «практикующих» каменщиков и начала распространяться по всей Шотландии. К концу Тридцатилетней войны эта система проникла и в Англию. В целом ее структура как нельзя более удачно совпадала со структурой христианских союзов Иоганна Валентина Андреа и оказалась прекрасно подготовленной к притоку «розенкрейцерских» идей. Таким образом, беженцы из Германии нашли духовное пристанище у английских каменщиков, и их вклад в виде «розенкрейцерских» идей явился последним ингредиентом, необходимым для возникновения современного «спекулятивного» масонства.

В последующие годы развитие происходило по двум направлениям. Система лож консолидировалась и разрасталась, и в конечном итоге масонство превратилось в признанную и уважаемую организацию. В то же время некоторые самые активные ее члены объединялись

в некую английскую версию «Невидимого колледжа» розенкрейцеров – сообщество ученых, философов и «эзотериков», являвшихся авангардом прогрессивной мысли. В период гражданской войны в Англии и протектората Кромвеля «Невидимый колледж» – теперь в него входили такие выдающиеся личности, как Роберт Бойль и Джон Локк – оставался невидимым. Однако в 1660 году после восстановления монархии «Невидимый колледж» под покровительством Стюартов превратился в Королевское общество. На протяжении последующих двадцати восьми лет «розенкрейцерство», масонство и Королевское общество не просто пересекались, а были буквально неотличимы друг от друга.

Первые масоны

В то время как Тридцатилетняя война опустошала континентальную Европу, а победа католиков грозила стереть с лица земли протестантизм, пишут Майкл Бейджент и Ричард Ли, Британия в целом и монархия Стюартов в частности возвышалась прочным бастионом и безопасным убежищем для протестантов. Изгнанные из Гейдельберга, пфальцграф Рейнский Фридрих и его жена Елизавета, дочь Якова I, нашли пристанище в Гааге. Здесь они основали новый «розенкрейцерский» двор в изгнании, к которому стремились все беженцы из Германии и откуда они переправлялись в Англию, где отец, а затем и брат их покровительницы из дома Стюартов правил в безопасности, хранимый водами Ла-Манша.

Затем в Англии разразилась гражданская война. Парламент восстал против монарха, король был казнен, и в стране наступили суровые времена протектората Кромвеля. Внутренний конфликт в Англии (его можно рассматривать как отголосок Тридцатилетней войны) не был таким ужасным, как Тридцатилетняя война, но все же достаточно травмирующим. Англии не угрожало восстановление гегемонии католицизма, но она столкнулась с другой формой религиозного контроля, еще более фанатичной, нетерпимой, бескомпромиссной и суровой. В таких произведениях, как «Потерянный рай», Мильтон еще мог в завуалированном виде проташить идеи неоплатоников, однако в обстановке протектората масонство с его широким спектром нетрадиционных религиозных, философских и научных интересов благого разумно держалось в тени. «Невидимый колледж» оставался невидимым.

Впоследствии масоны все время подчеркивали отсутствие каких-либо политических интересов или предпочтений у своих предшественников. Постоянно повторяется тезис о том, что с самого начала масоны были аполитичными. Мы утверждаем, что в семнадцатом веке – а также на протяжении большей части восемнадцатого – масонство являлось политическим объединением. Своими корнями оно уходит в семьи и гильдии, издавна присягнувшие на верность Стюартам и монархии Стюартов. Оно проникло из Шотландии в Англию при содействии Якова I, шотландского короля, который, как полагают, был членом масонской ложи. Старые «Хартии Синклера» открыто признают покровительство и защиту, которые обеспечивала масонам корона. А в документе середины девятнадцатого века от масонов требовалось хранить верность королю и сообщать обо всех случаях предательства и обмана. То есть масонам предписывалось давать клятву верности монарху.

Отсутствие открытых заявлений в поддержку Стюартов на протяжении первых трех четвертей семнадцатого века вряд ли может служить доказательством политической апатии, безразличия или нейтральности масонства. До начала гражданской войны в таких заявлениях не было необходимости: положение Стюартов на английском троне казалось незыблемым, а верность династии была такой очевидной и воспринимаемой как должное, что не требовала открытого выражения. Во времена протектората любое проявление лояльности к Стюартам было чрезвычайно опасным. Определенные люди могли, конечно, заявлять о своей приверженности монархии, если они не выступали против власти парламента или режима Кромвеля. Однако маловероятно, что Кромвель разрешил бы наполовину тайной сети лож распространять политические взгляды, которые он считал вредными. Масонство и так уже попало под подозрение из-за своего свободомыслия, толерантности и эклектичности, что являло собой разительный контраст с суровым пуританским правительством. Объявить о своей верности Стюартам в этих условиях было бы самоубийством, а отдельные масоны уже привлекли к себе внимание печально известных следователей, которые занимались обвинениями в колдовстве. Поэтому масонство – в той степени, в которой его деятельность вообще можно проследить в эпоху Протектората – старательно и даже упорно отказывалось связывать себя какими бы то ни было политическими обязательствами.

Короче говоря, во времена гражданской войны и Протектората масоны никогда не отрекались от своей верности Стюартам. Они просто хранили благоразумное молчание. За этим молчанием скрывались старинные привязанности, не претерпевшие никаких изменений. Вряд ли можно считать совпадением, что в 1660 году, после того как монархия была восстановлена и трон занял Карл II, масонство – как само по себе, так и через Королевское общество – заняло подобающее ему место.

* * *

На фоне этих событий произошло еще одно событие, которое масоны считают одним из поворотных пунктов в своей истории. Это первое документально подтвержденное посвящение в масоны на английской земле. 20 мая 1641 года сэр Роберт Морей в Ньюкасле или его окрестностях был принят в старинную ложу Эдинбурга. Принятие Морей в ложу предполагает, разумеется, что сама ложа и некая система лож в то время уже существовала и была действующей. Именно так обстояли дела в ту эпоху. Генерал Александр Гамильтон, присутствовавший на церемонии посвящения Морей, сам был посвящен в масоны за год до этого. Тем не менее многие комментаторы последующих эпох называют Морей «первым полноценным масоном». Даже если это не соответствует действительности, его посвящение оказалось достаточно важным событием, чтобы привлечь к себе внимание ученых и вывести масонство из тени на свет, который постепенно становился все более ярким.

Вскоре после Реставрации брат Морей сэр Уильям Морей Дрегхорн стал «управляющим работами», то есть мастером «практикующих» каменщиков при дворе нового короля. Сам Морей вернулся в Лондон и занимал разные должности в суде, хотя сам никогда не был судьей. В 1661 году он стал лордом-казначеем Шотландии.

На протяжении следующих семи лет он, король и герцог Лодердейл управляли Шотландией по собственному усмотрению, хотя Морей также поддерживал тесные отношения с шотландской ветвью семьи Гамильтон. До самой смерти он оставался одним из самых близких советников короля. «Карл всецело доверял ему, и его советы всегда призывали к благоразумию и умеренности». Король нередко наносил частные визиты в его лабораторию в Уайтхолле и отзывался о нем как о «главе своей собственной церкви». Среди его коллег были такие люди, как Эвелин, Гюйгенс и Пепис, и все отзывались о нем только в превосходной степени. По утверждению энциклопедии, «его бескорыстие и возвышенность его целей признавались всеми. Он был лишен честолюбия и сам признавался, что не любил публичных мероприятий».

По свидетельству других современников, Морей был «известным химиком, страстным защитником розенкрейцеров и превосходным математиком». Именно его компетентность оказала огромное влияние на будущие поколения. Дело в том, что Морей являлся не только одним из основателей Королевского общества. Он также был его направляющей силой, или, как говорил Гюйгенс, «душой». По словам Фрэнсис Йейтс, «Морей больше любого другого человека сделал для того, чтобы основать Королевское общество и убедить Карла II взять его под свое покровительство». Морей до конца жизни считал Королевское общество своим самым главным достижением и «прилежно пекся о его интересах».

Учитывая тот факт, что сохранилось очень мало документов о масонстве семнадцатого века, можно лишь догадываться об интересах, деятельности и ориентации общества по связанным с ним выдающимся личностям. Именно таким индикатором и является Морей. Похоже, он был типичным представителем масонов семнадцатого века. Если это действительно так, то масонство этого периода может быть охарактеризовано как сплав традиций, сохранившихся благодаря шотландской гвардии и знатным шотландским фамилиям, таким как Линдсеи и Сетоны, алхимии и учения розенкрейцеров, проникших из континентальной

Европы, а также различных научных и философских интересов, преобладавших в «Невидимом колледже», а впоследствии и в Королевском обществе.

* * *

Сразу же после реставрации монархии в философии и религии, в искусстве, науке и, самое главное, в архитектуре для масонства наступили спокойные времена. Расцветая, масонство само оказывало благотворное и конструктивное влияние на общество. Можно даже утверждать, что оно – благодаря все более широкому распространению и большей открытости – внесло существенный вклад в лечение нанесенных гражданской войной ран.

Тем не менее нельзя сказать, что масоны не подвергались критике. В одной из сатирических пьес-однодневок, изданной в 1676 году, содержалось такое шутовское объявление:

«Обращаем ваше внимание, что современные маги Зеленой Ленты вместе с братьями Розового Креста, знатоками герметики и Обществом действительных масонов дают обед 31 ноября на улице Ветряных мельниц...»

Однако такие веселые пасквилы не могли нанести существенного вреда масонству. В то время они играли роль современных отделов светской хроники в газетах, пробуждая интерес публики и, по всей видимости, только упрочняя репутацию тех, кого они пытались очернить. В равной степени это относится и к работе доктора Роберта Плота, который в 1686 году опубликовал свое произведение «Описание Стаффордшира». Плот стремился высмеять – и даже осудить – масонство. Вместо этого он обеспечил масонам рекламу, которая оказалась чрезвычайно привлекательной для современников. Кроме того, он снабдил последующие поколения важными фактами, а также свидетельствами влияния института масонства.

Доктор Плот довольно подробно описывает все, что ему известно о ритуалах масонов, о собраниях лож, процедурах посвящения, а также о честности «практикующих» масонов, проявляемой при ведении строительства. В конце автор обрушивается на масонов с различными нападками. Однако атака эта получилась неудачной. Большинство читателей Плота – и это совсем не удивительно – игнорировали остроумный заключительный пассаж (или так и не добирались до него). Наоборот, они воодушевлялись тем, что предшествовало ему – древние знаменитые корни, о которых говорили масоны, участие «самых знаменитых людей», выгоды членства, взаимная поддержка, добрые дела, престиж профессии строителя и архитектора. После всего этого жестокая критика выглядела всего лишь вспышкой раздражительности и, возможно, досадой от того, что самого автора отказались принять в ложу.

Период с 1660 по 1688 год можно считать золотым веком масонства в Англии. Оно уже утвердило себя – возможно, даже в большей степени, чем англиканская церковь – как объединяющая сила английского общества. Оно уже начало обеспечивать существование «демократического» форума, где «король и простолюдин», аристократ и мастеровой, интеллектуал и ремесленник могли собираться вместе и в безопасности ложы обсуждать предметы, представляющие взаимный интерес.

Влияние английского масонства

24 июня 1717 года – в день св. Иоанна, который считался священным у тамплиеров, – была основана Великая Ложа Англии, подходят Майкл Бейджент и Ричард Ли к основной, пожалуй, организации «вольных каменщиков». Сначала в нее входили четыре лондонские ложи, которые в своем стремлении к централизации объединились в единую организацию и избрали руководящий орган, Великую Ложу. Вскоре к ним присоединились и другие ложи, число которых в 1723 году возросло до пятидесяти двух.

В 1723 году Андерсон, священник шотландской церкви, опубликовал свою книгу «Конституции». Книга Андерсона стала, по существу, библией английского масонства. В этой книге формулируются положения, которые теперь известны как основные принципы Великой Ложы. Первая статья отличается некоторой туманностью и по сей день служит предметом споров, интерпретаций и разногласий. В прошлом масоны были обязаны заявлять о своей верности Богу и англиканской церкви, однако Андерсон пишет о «верности всеобщей религии». Вторая статья отличается большей откровенностью: «Масон... не примет участия ни в каких замыслах против мира и блага народа». В соответствии с шестой статьей в ложе были запрещены любые споры, касающиеся религии или политики.

К этому моменту Великая Ложа установила нечто вроде монополии в Англии. Действительно, Великая Ложа настолько интегрировалась в английское общество, что ее терминология проникла в разговорный язык и остается там по сей день. Масонству мы обязаны такими выражениями, как «на уровне», «третья степень», а также многими другими.

К третьей декаде восемнадцатого века английское масонство под руководством Великой Ложы превратилось в бастион общественного и культурного истеблишмента, и среди самых известных его братьев были такие люди, как Дезагюлье, Поп, Свифт, Хогарт и Босуэл, а также Франсуа Лотарингский, будущий муж австрийской императрицы Марии-Терезии.

Великая Ложа пронизала всю ткань английского общества и внедрила свои ценности в основы английского мышления. Настаивая на всеобщем братстве, преодолевающим национальные границы, масонство оказало серьезное влияние на великих реформаторов восемнадцатого века – на Дэвида Юма, на Вольтера, Дидро, Монтескье и Руссо во Франции, а также на их последователей в колониях, которые вскоре станут Соединенными Штатами. Именно Великой Ложе и тому философскому климату, который она создавала, мы обязаны всему лучшему в английской истории той эпохи. Под эгидой Великой Ложы вся кастовая система Англии стала менее жесткой, чем в любой другой стране континентальной Европы. Появлялось все больше возможностей для – выражаясь языком социологов – «вертикальной мобильности».

Осуждение любых религиозных или политических предрассудков способствовало не только развитию терпимости, но и определенного эгалитарного духа, который производил огромное впечатление на гостей из-за границы. Среди таких гостей был, например, Вольтер, впоследствии сам ставший масоном. Он настолько воодушевился английским обществом, что стал прославлять его как образец, к которому должна стремиться вся европейская цивилизация.

Антисемитизм в Англии осуждался сильнее, чем в любой другой европейской стране, и евреи здесь не только становились масонами, но и получили доступ к политической и общественной жизни, в котором им отказывали прежде. Растущий средний класс получил пространство для маневра и расширения, что дало мощный толчок развитию Британии, выдвинув ее на передовые позиции в сфере промышленности и торговли. Благотворительная деятельность, в том числе часто подчеркиваемая особо помощь вдовам и сиротам, способствовала распространению новых идей о гражданской ответственности и вымостила дорогу

многим последующим социальным программам. Можно даже утверждать, что сплоченность ложи в соединении с обращением к традициям средневековых гильдий явилась предвестницей многих черт тред-юнионизма. И наконец, процесс избрания магистров и Великих Магистров способствовал внедрению в сознание англичан разумного разделения между человеком и его должностью, и это понимание вскоре принесет свои плоды в Америке.

Английское масонство во всех отношениях представляло собой некое связующее звено, соединительную ткань общества восемнадцатого века. Помимо всего прочего оно помогало создать в стране более спокойную атмосферу, чем на континенте, где недовольство народа выплеснулось сначала в виде Великой французской революции, а затем восстаний 1830 и 1848 годов. Этот климат распространился и на английские колонии в Северной Америке, сыграв ключевую роль в образовании Соединенных Штатов. Таким образом, та форма масонства, которая распространялась Великой Ложей, заменила первоначальную. При этом она стала одним из самых важных и влиятельных явлений столетия – явления, значительность которого часто недооценивается ортодоксальными историками. [Конец фрагмента из книги Майкла Бейджента и Ричарда Ли «Храм и ложа. От тамплиеров до масонов»].

* * *

В настоящее время в мире насчитывается более 100 Великих Лож, образующих так называемую «Всемирную братскую цепь». Общая численность Вольных Каменщиков в Англии около 700 тыс. человек. Число членов масонских Лож США (в каждом штате имеется своя Великая Ложа) составляет не менее 2 млн. Согласно статистике, приведенной Гарольдом В.Б. Вурисом, общая численность Ордена в мире (на конец 1976 года) составляла приблизительно 5 000 000 человек, в том числе в США – 49 Великих Лож, не считая «черного масонства» (Ложа «Принс Холл»), которое в 1976 году объединяло 264 312 братьев в 40 штатах США, а также – 2196 братьев в Канаде и Западной Африке.

На 1991 год масонов только шотландского обряда в США было примерно 2,4 миллиона человек, более 700 тысяч – в Англии, до 200 тысяч – в Канаде, 70 тысяч – во Франции, 21 тысяча – в Германии, 17 тысяч – в Италии.

Крупнейшим и влиятельнейшим представителем Регулярного масонства в мире является Объединенная Великая Ложа Англии (ОВЛА, англ. UGLE – United Grand Lodge of England). Она считается материнской Великой Ложей по отношению ко всему мировому регулярному масонству.

ОВЛА была образована в 1813 году в результате слияния упомянутой выше первой Великой Ложы с параллельными и конкурирующими альтернативными структурами Англии и, прежде всего, с основанной в июне 1751 года «Великой Английской Ложей Старых Уставов».

Сегодня ОВЛА насчитывает 270 000 членов, объединенных в 8322 Ложы. Это – более трети всех масонов Великобритании.

С 1967 года Великим Магистром ОВЛА является Его Королевское Высочество Герцог Кентский (Принц Эдвард Георг Николас Патрик, который родился 9 октября 1935 года, член британской королевской семьи, праправнук королевы Виктории, внук короля Георга V, двоюродный брат королевы Елизаветы II).

В январе 2005 года от ОВЛА откололась незначительная группа «братьев», выступающих за возвращение к истокам, к старинным английским масонским традициям, полному искоренению континентального влияния из ритуальной практики и законодательства Братства. Она именует себя Регулярной Великой Ложей Англии (РВЛА) и создает так называемые Высшие Советы своих сторонников в Европе и обеих Америках.

Численность РВЛА нигде не приводится. Иногда ее руководство делает заявления о росте численности до 20 000 членов в 30 странах мира, однако источники в ОВЛА опровергают данные цифры и всеми доступными средствами пытаются в прессе представить РВЛА своего рода финансовой пирамидой, созданной для «совращения с истинного пути» членов ОВЛА.

Так же в 2005 году в кафедральном соборе Йорка открыла свои работы Великая Йоркская Ложа Всей Англии. Она декларирует строгое следование традициям и законам Великой Ложи «Древних» и в настоящее время насчитывает около 3000 членов, по ее собственным заявлениям.

В марте 2008 года служащие Букингемского дворца, официальной резиденции британского монарха, объявили о создании собственной масонской ложи – «Королевской дворцовой ложи», в которую имеют право войти представители obsługi и даже полицейские из охраны королевской фамилии. Надо сказать, что ОВЛА почти сразу признала новое масонское подразделение.

В 1929 году ОВЛА, согласовав свой шаг только с американскими ложами, опубликовала перечень «Ландмарок», т. е. принципов, обязательных для признания лож правильными или регулярными. Словом «Ландмарка» в английском языке обозначается межевой столб, другое значение – «краеугольный камень». Это дает представление, какое значение вкладывалось в новый перечень принципов.

В настоящее время признание или непризнание той или иной Великой Ложи как «Регулярной» целиком зависит от решения ОВЛА, чье мнение считается во многих Великих Ложях абсолютно непререкаемым.

«Храм Соломона» в Америке

Первые масонские ложи в Северной Америке

Говоря об образовании масонских лож в Америке, мы снова обратимся к труду Майкла Бейджента и Ричарда Ли. Они пишут, что по преданию определенная форма масонства, или его прототип, появилась в Новом Свете еще в 1607 году вместе с поселением Джеймстаун и обосновалась в Вирджинии, направляя свои усилия на создание некоего идеального общества, описанного двадцать лет спустя Фрэнсисом Бэконом в «Новой Атлантиде». Такую возможность полностью исключать нельзя. Розенкрейцеры начала семнадцатого века прекрасно осознавали потенциал Америки для претворения в жизнь тех планов идеального общества, которыми изобиловали их работы. Понимали это и члены «Невидимого колледжа», который в конечном итоге был преобразован в Королевскую академию. Было бы крайне удивительным, если бы одна из их идей не проложила себе путь через Атлантику. В любом случае трансплантация масонства в Америку – независимо от того, где и когда это произошло – была делом неизбежным, обычным, предсказуемым и не повлекла никаких немедленных последствий, точно так же, как перенос других английских социальных установок и институтов. Никто не мог предвидеть той огромной роли, которую в недалеком будущем сыграет эта трансплантация.

Что касается документально подтвержденных данных, то первым масоном, поселившимся в американских колониях, считается Джон Скин. Его имя было внесено в список братьев абердинской ложи в 1670 году, а в 1682-м он эмигрировал в Северную Америку. Скин обосновался в Нью-Джерси, где впоследствии стал заместителем градоначальника. Однако масонство, которое он привез с собой, в Нью-Джерси оказалось в вакууме. Здесь не было ни братьев, с которыми мог бы общаться, ни структуры, в которую он мог бы влиться. Не создал он и собственной организации. Во всяком случае, об этом не сохранилось никаких документальных свидетельств.

Скин стал масоном до отъезда в Америку. Первым американским поселенцем, принятым в братство, был Джонатан Белчер, который во время визита в Англию в 1704 году стал членом масонской ложи. Через год Белчер вернулся в колонии, сделался процветающим торговцем, а в 1730 году был назначен губернатором Массачусетса и Нью-Гемпшира. К тому времени масонство твердо стало на ноги в колониях, и активное участие в его распространении принял сын Белчера.

Вероятно, в те времена было множество людей, похожих на Скина и Белчера – тех, которые уже были масонами к моменту эмиграции в колонии, или тех, кто во время визитов в Англию вступал в масонские ложи. Сохранился даже документ 1719 года, в котором упоминается о судне с названием «Масон», выполнявшем каботажные рейсы у берегов Америки. Однако до конца 20-х годов восемнадцатого века не встречается никаких упоминаний о масонских ложах на территории американских колоний. 8 декабря 1730 года в «Пенсильванской газете» Бенджамина Франклина появилось первое упоминание о масонстве в Северной Америке. Статья Франклина, в которой содержалось в основном общее описание масонства, предварялась замечанием, что «в этой провинции появилось несколько масонских лож...».

Сам Франклин стал масоном в феврале 1731 года, а в 1734 году его избрали Великим Провинциальным Магистром Пенсильвании. В том же году он отдал в печать первую масонскую книгу в Америке, «Конституции» Андерсона. Тем временем в Филадельфии была основана первая американская ложа. Ее самые ранние документы, обозначенные как «вторая

книга протоколов», датируются 1731 годом. Таким образом, первая книга – если предположить, что она существовала – должна была охватывать как минимум предыдущий год.

* * *

К тридцатым годам восемнадцатого века Великая Ложа Англии стала проявлять усиленный интерес к Северной Америке и «гарантировать» возникающие там ложи, то есть оказывать им покровительство как собственным отделениям. Так, например, в 1732 году генерал Джеймс Оглеторп основал колонию Джорджия, а два года спустя стал магистром первой масонской ложи Джорджии.

Многие из первых лож в Америке – включая, вполне возможно, те, документальных свидетельств о которых не сохранилось и мы ничего о них не знаем – были, выражаясь языком масонов, «нерегулярными». Для того чтобы стать «регулярной», ложа должна была стать «уполномоченной», то есть получить патент от высшего органа – от Великой Ложи или, так сказать, от материнской ложи. Так, например, Великая Ложа Англии выдавала такие патенты собственным филиалам или новым ложам в американских колониях. Однако полномочия выдавали и другие масонские организации, к примеру, Великая Ложа Ирландии, предлагавшая так называемые «высшие градусы» и другие аспекты якобитской ветви масонства, которое после 1745 года утратило политическую ориентацию на Стюартов, но сохранило пришедшие только ему рыцарские черты.

Первой официально уполномоченной ложей в Америке стала бостонская ложа св. Иоанна, основанная в 1733 году и получившая патент от Великой Ложи Англии. В том же году Великая Ложа собирала средства для своих братьев в колонии Оглеторпа в Джорджии, хотя нет никаких документальных свидетельств о существовании там лож, как регулярных, так и нерегулярных, до 1735 года, когда масонская ложа была основана в Саванне. Тем временем в Массачусетсе уже существовала уполномоченная Провинциальная Великая Ложа, магистром которой был Генри Прайс. Его помощником стал Эндрю Белчер, сын Джонатана Белчера, который был инициирован в Англии в 1704 году. С 1733 по 1737 год Великая Ложа Англии выдала патенты Провинциальным Великим Ложам Массачусетса, Нью-Йорка, Пенсильвании и Южной Каролины. Не сохранилось никаких документов по Вирджинии, но там, вполне вероятно, имелись ложи, уполномоченные не только Великой Ложей Англии, но и Великой Ложей Йорка, исповедовавшей якобитскую систему масонства.

До начала Семилетней войны (или войны с французами и индейцами) большинство масонов в Северной Америке принадлежали к ортодоксальному направлению, которое олицетворяла Великая Ложа Англии. Однако во время Семилетней войны «высшие градусы» масонства благодаря полковым ложам проникли в американские колонии и быстро укоренились там. Ярким примером этого процесса и трений, которые он иногда вызывал, может служить Бостон – колыбель американской революции.

* * *

Первые масонские ложи появились в Массачусетсе в 1733 году, когда Генри Прайс, имевший полномочия от Великой Ложи Англии, стал Великим Магистром основанной им Массачусетской Великой Провинциальной Ложи св. Иоанна. Его помощником был Эндрю Белчер, сын губернатора провинции. К 1750 году в Бостоне существовали уже две другие ложи. И они, и их головная ложа св. Иоанна собирались в таверне «Гроздь винограда», расположенной в районе современных улиц Стейт-стрит и Килби-стрит. Полковые ложи британских войск, находящиеся под покровительством Великой Ложи Англии, тоже собирались в этом помещении. Следовательно, ложа св. Иоанна взяла под свое крыло более сорока лож.

Тем временем в 1743 году Великая Ложа Англии назначила видного бостонского торговца Томаса Окснарда Великим Провинциальным Магистром Северной Америки. Таким образом, Бостон превратился в масонскую столицу британских колоний за океаном.

Однако в 1752 году была основана еще одна, «нерегулярная» ложа, не имевшая патента от Великой Ложи Англии. Эта ложа собиралась в другой таверне, которая называлась «Зеленый дракон», а в 1764 году была переименована в Дом Масонов. Возмущенные члены ложи св. Иоанна начали жаловаться, и тогда «нерегулярная» ложа получила соответствующий патент, но не от Великой Ложи Англии, а от Великой Ложи Шотландии, которая предлагала своим членам «высшие градусы». Уполномоченной ложа смогла стать только после 1756 года, когда в Америку начали прибывать британские войска, в которых действовали полковые ложи, уполномоченные Великими Ложками Ирландии и Шотландии. «Нерегулярная ложа» вскоре была официально зарегистрирована как ложа св. Андрея. Затем она стала выдавать патенты новым ложам и потребовала для себя статуса Великой Провинциальной Ложи – под эгидой Великой Ложи Шотландии. Таким образом, в Бостоне одновременно действовали две соперничающие Великие Провинциальные Ложки: ложа св. Иоанна, которой покровительствовала Великая Ложа Англии, и ложа св. Андрея, гарантом которой выступала Великая Ложа Шотландии. Поэтому неудивительно, что возникали противоречия, вспыхивали ссоры, а разделение на «их и нас» привело к своего рода гражданской войне между оскорбленными масонами. Ложа св. Иоанна с подозрением смотрела на ложу св. Андрея и с мстительной страстью постоянно принимала резолюции, направленные против соперницы. Однако эти резолюции не оказывали должного эффекта, и ложа св. Иоанна продолжала сердиться и запретила своим членам посещать собрания ложи св. Андрея. На такого рода склоки многие видные граждане Бостона тратили массу времени и сил.

Не обращая внимания на все выдвигавшиеся против нее обвинения, ложа св. Андрея продолжала собираться и привлекать новых членов, и даже переманивала к себе некоторых членов ложи св. Иоанна. 28 августа 1769 года ложа св. Андрея объявила о введении новой масонской степени, получившей название Градуса Рыцаря Храма. Точно неизвестно, откуда была позаимствована эта степень. Никаких документов на этот счет не сохранилось, но считается, что этот градус масонства был привезен в Бостон 29-м пехотным полком, полковая ложа которого получила полномочия от Великой Ложи Ирландии за десять лет до этого события. Первое упоминание об этом градусе содержится в уставе Старой ложи Стерлинга от 1745 года. В любом случае наследие тамплиеров, которое присвоили себе якобиты и которое пропагандировалось Хундом, стало приобретать сторонников за пределами их ритуалов.

Однако введение степени рыцаря Храма – это не единственное достоинство ложи св. Андрея. В 1773 году она заняла позицию в авангарде бурно развивавшихся событий. В этот период ее Великим Магистром был Джозеф Уоррен, которого Великая Ложа Шотландии назначила Великим Магистром всей Северной Америки. В числе прочих членами ложи были Джон Хэнкок и Пол Ревир.

Масоны и образование США

В течение восьми лет, предшествовавших 1773 году, противоречия между Британией и ее американскими колониями заметно усилились, продолжают Майкл Бейджент и Ричард Ли. Практически обанкротившись в результате Семилетней войны, Британия стремилась пополнить свою казну за счет колоний, обложив их еще большими налогами и пошлинами. Эти действия вызвали новый взрыв негодования и сопротивления в колониях. В 1769 году ассамблея Вирджинии по предложению Патрика Генри и Ричарда Генри Ли (оба были известными масонами) выдвинула официальные обвинения против английского правительства и была распущена губернатором провинции. В 1770 году случилась известная «бостонская резня». Британский караул, окруженный враждебно настроенной толпой, открыл стрельбу, в результате чего погибли пять человек. В 1771 году восстание в Северной Каролине было подавлено войсками, а тринадцать мятежников были обвинены в измене и казнены. В 1772 году два известных масона, Джон Браун и Эйбрахам Уиппл, напали на судно таможенников у Род-Айленда и сожгли его.

Ситуация стала критической после издания «закона о гербовом сборе», который был предназначен для того, чтобы спасти Ост-Индскую компанию от банкротства. В соответствии с этим актом компании предоставлялось право беспошлинного ввоза чая в колонии Северной Америки. Эта мера ставила под удар как легальных торговцев чаем, так и контрабандистов, а также устанавливала монополию на рынке. В сущности, колонистов вынуждали покупать чай только у Ост-Индской компании, причем в количестве, превышавшем их желание и потребность.

27 ноября 1773 года первый из трех торговых судов Ост-Индской компании прибыл в Бостон с большой партией чая. 29 и 30 ноября состоялись массовые митинги протеста, и «Дартмут» не смог разгрузиться. Больше недели судно простояло в порту. Затем, в ночь на 16 декабря, группа колонистов (по разным оценкам, их было от шестидесяти до двухсот человек), грубо и демонстративно раскрасив себя на манер индейцев из племени могавков, проникла на корабль и выбросила весь его груз – 342 тюка с чаем стоимостью около 10 тысяч фунтов стерлингов – в Бостонский залив. Это было знаменитое «Бостонское чаепитие». Действия колонистов больше походили на хулиганскую выходку, чем на революционный акт. Сами по себе они не были связаны с насилием и не стали причиной насилия. На протяжении следующих четырнадцати месяцев не наблюдалось никакой вооруженной борьбы. Тем не менее именно «Бостонское чаепитие» знаменует собой начало войны за независимость Америки.

В тот период ложа св. Андрея регулярно собиралась в так называемой «длинной комнате» Дома Масонов, бывшей таверны «Зеленый дракон». Ложа делила эту комнату с большим количеством политических тайных обществ и подпольных квазимасонских братств, ставивших своей целью сопротивление британскому налоговому законодательству. Среди организаций, собиравшихся в «длинной комнате», были «Лонг-рум Клуб», членом которой являлся Великий Магистр ложи св. Андрея Джозеф Уоррен, «Корреспондентский комитет» (членами этой группы, занимавшейся согласованием действий местной оппозиции с действиями оппозиционеров в других американских городах, таких, как Филадельфия и Нью-Йорк, были Уоррен и Пол Ревир), а также «Северная фракция», объединявшая под своим крылом многих масонов, в том числе и Уоррена. Более радикальной была организация «Сыны свободы», и особенно ее ядро, так называемая «Loyal Nine», которая являлась сторонником насильственных действий и организовывала мятежи, демонстрации и другие формы неповиновения еще с 1765 года. Видное положение среди «Сынов свободы» занимал Сэмюэл Адамс, не принадлежавший к масонскому братству. «Сыны свободы» также не

проводили свои собрания в «длинной комнате» Дома Масонов. Тем не менее многие члены организации также являлись членами ложи св. Андрея. Так, например, активную роль в деятельности «Сынов свободы» играл Пол Ревир. Не менее трех членов «Loyal Nine» были также членами масонской ложи св. Андрея.

Показателен протокол собрания ложи св. Андрея накануне «Бостонского чаепития». 30 ноября 1773 года, на второй день массовых протестов против прибытия судна «Дартмут», состоялось собрание ложи, но на нем присутствовало только семь человек. Судя по сохранившимся записям, было решено перенести собрание ложи на вечер следующего вторника – из-за отсутствия большинства братьев, которые «отдали свое время получателям чая».

Во вторник, 2 декабря, на собрании ложи, где присутствовали пятнадцать братьев и один гость, было избрано руководство ложи. Через неделю, 9 декабря, на ежемесячном собрании ложи присутствовали четырнадцать членов и десять приглашенных, но все внутренние вопросы были отложены на неделю, до 16 декабря. Именно в эту ночь произошло «Бостонское чаепитие», и на собрании ложи присутствовало всего пять братьев. В протоколе после имен пришедших на собрание имеется запись о том, что ложа закрывается до завтрашнего вечера вследствие малого числа присутствующих.

Вопреки многочисленным утверждениям и легендам, «Бостонское чаепитие» не планировалось на собрании ложи св. Андрея. Скорее всего, его планы разрабатывались Сэмюэлом Адамсом и «Сынами свободы». Тем не менее доподлинно известно, что не менее двенадцати членов ложи принимали участие в «чаепитии». Более того, двенадцать других участников вылазки впоследствии были приняты в ложу св. Андрея.

Кроме того, «Бостонское чаепитие» не могло бы произойти без активного содействия двух подразделений колониальной милиции, которые должны были охранять груз «Дартмута». Капитан одного из этих отрядов Эдвард Проктор являлся членом ложи св. Андрея с 1763 года. Трое его подчиненных – Стивен Брюс, Томас Нокс и Пол Ревир – также были членами ложи, а трое других входили в «Loyal Nine». Во втором отряде милиции еще трое были членами ложи св. Андрея. Доподлинно известно, что из сорока двух человек в двух подразделениях милиции девятнадцать оказали помощь в уничтожении чая, находившегося на борту «Дартмута». Из этих девятнадцати шесть, включая командира одного из отрядов, были членами масонской ложи св. Андрея, а еще трое входили в «Loyal Nine».

* * *

На следующий день после «Бостонского чаепития» Пол Ревир отправился в Нью-Йорк, откуда новости о произошедшем событии распространились по всем колониям и были с радостью встречены населением. Когда три месяца спустя новость достигла Лондона, власти отреагировали быстро и жестко. Был принят закон, в соответствии с которым накладывалось эмбарго на любую торговлю с Бостоном, а бостонский порт объявлялся закрытым. Гражданская администрация города – а с ним и всей колонии Массачусетс – упразднялась, а в городе и провинции вводилось военное положение. Губернатором Массачусетса назначался военный, генерал Томас Гейдж. Через год, в 1775 году, Гейдж получил серьезное подкрепление в виде английских регулярных войск под командованием сэра Уильяма Хоу.

Медлительность трансатлантического сообщения по-прежнему тормозила развитие событий, но они уже получили внутренний импульс. 5 сентября 1774 года в Филадельфии собрался первый Континентальный конгресс. На нем председательствовал Пейтон Рэндолф, видный адвокат и Великий Магистр провинции Вирджиния. Среди бостонских делегатов были Сэмюэл Адамс от «Сынов свободы» и Пол Ревир. Вопреки последующей традиции, на конгрессе не наблюдалось единодушия мнений и взглядов. Большинство делегатов отнюдь не жаждали независимости от Британии, и даже не помышляли о ней. Предложенные кон-

грессом меры носили не политический, а чисто экономический характер. Кроме того, они были в высшей степени временными – сочетание поспешных действий и блефа. Так, например, была образована «Ассоциация» – номинально для того, чтобы ограничить или вообще оборвать торговые связи с Британией и с остальным миром, закрыть экономику колоний и сделать ее самодостаточной. Подобный проект вряд ли можно было воплотить в жизнь, однако его обнаружение должно было подтолкнуть английский парламент к действию.

Однако находившийся за 3500 миль от Америки парламент не понимал действительной ситуации или не интересовался ею, и поэтому отреагировал совсем не так, как следовало бы. Ситуация продолжала ухудшаться, и собравшийся в феврале 1775 года массачусетский Провинциальный конгресс объявил о планах вооруженного сопротивления. Парламент ответил тем, что объявил Массачусетс мятежной провинцией. Среди бурной риторики, которая за этим последовала, Патрик Генри в речи перед Провинциальной ассамблеей Вирджинии произнес свои знаменитые слова: «Свобода или смерть».

Однако кризис уже перерос границы риторики – и даже гражданских и экономических акций. В апреле 1775 года 700 английских солдат были направлены в Конкорд, в окрестностях Бостона, для захвата находившегося там склада оружия местной милиции. Пол Ревир предпринял свой знаменитый рейд, чтобы предупредить о приближении войск. Отряд англичан был встречен в Лексингтоне семьюдесятью семью вооруженными колонистами. В ожесточенной стычке – «звуки выстрелов были слышны по всей округе» – восемь колонистов были убиты и десять ранены. На обратном пути в Бостон колонна англичан с конфискованным оружием была атакована отрядом из 4000 стрелков и потеряла 273 человека убитыми и ранеными. Колонисты потеряли девятнадцать человек.

22 апреля собрался Третий провинциальный конгресс Массачусетса, на котором председательствовал Джозеф Уоррен, Великий Магистр Северной Америки, уполномоченный Великой Ложей Шотландии. Уоррен санкционировал мобилизацию 30 тысяч человек. В то же время в своем «Обращении к Великобритании» он писал:

«В этой колонии уже давно ведутся военные действия войсками под командованием генерала Гейджа... Это, братья, является местью правительства за отказ, вместе с другими колониями, стать рабами; но им еще не удалось отторгнуть нас от нашего монарха. Мы заявляем о том, что остаемся его верными подданными... но тем не менее мы не станем покорно смиряться перед гонениями и тиранией его правительства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.